

ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И КАВКАЗ

М. Ф. ВЫСОКИЙ (Москва)

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: итоги и перспективы исследования*

Проблемы греческой колонизации Восточного Причерноморья (которое большинство авторов необоснованно ограничивает побережьем Колхиды) уже давно находятся в центре внимания исследователей. В ходе многолетней дискуссии выявились две основные точки зрения: согласно одной, греческие поселения данного региона (прежде всего Колхиды) представляли собой небольшие поселения, не обладавшие самостоятельной экономической базой (их экономической основой была торговля) и полисным статусом, вследствие влияния высокоразвитой местной среды¹; согласно другой, греческая колонизация Колхиды принципиально не отличалась от других регионов Причерноморья, здесь были основаны независимые полисы, обладавшие своей сельскохозяйственной округой, хорой.²

Отдельно следует остановиться на гипотезе, выдвинутой недавно Д. Браундом. По мнению автора, в колонизации данного региона основную роль сыграли ионийцы из милетских колоний южного побережья Понта — Синопы, Амиса, Трапезунда. Именно они основали на территории Колхиды протоколонию. Часть этих протоколоний впоследствии приняли милетского ойкиста с отрядом колонистов и стали полисами (как, например, Фасис), а часть, не достигнув должного уровня развития, остались поселениями (например, Цихисдзири).³ Гипотеза об определяющей роли милетских колоний южного побережья Понта в колонизации Колхиды кажется довольно привлекательной, однако следует учитывать, что у нас нет абсолютно никаких доказательств этому, а судя по тому, что керамика данных центров не является преобладающей в греческих поселениях Восточного Причерноморья в первые периоды их существования, предложенную гипотезу можно подвергнуть вполне обоснованному сомнению. На наш взгляд, нельзя отрицать участие южно-понтских полисов в колонизации побережья Колхиды (тем более, как мы увидим далее, что именно с юго-восточного побережья началась греческая колонизация данного региона), однако насколько определяющей была эта роль, при сегодняшнем уровне наших знаний выяснить не представляется возможным.

Что касается предложенной Д. Браундом схемы «протоколонию — полисы», то, по нашему мнению, она также нуждается в некоторой корректировке. Сам факт

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 02-01-00290а.

предварительного основания греками поселения, имевшего статус эмпория, и лишь впоследствии прибытия основного отряда колонистов с ойкистом и основания полиса, не вызывает сомнения, и подтверждается многочисленными примерами из истории греческой колонизации Западного Средиземноморья.⁴ Однако не развившиеся в полисы протоколонии в определенной части, по нашему мнению, являются субколониями, т.е. они были основаны не переселенцами из метрополии (метрополий), а отрядами из уже основанных в Колхиде поселений, и целью основания этих субколоний являлось либо расширение сферы влияния новых колоний, либо укрепление их земельных владений (хоры).⁵

Проблема хронологии греческой колонизации Восточного Причерноморья точно не определена и допускает различные толкования. Прежде всего это связано с полным отсутствием каких-либо датировок основания греческих поселений в источниках, что подразумевает определяющее значение археологических данных и сравнительного материала из истории метрополии.

Первую наиболее стройную хронологию предложил А.Ю.Кахидзе, в течение многих лет проводивший археологические исследования юго-восточного побережья Понта. Опираясь исключительно на археологические данные, прежде всего на материалы из Батумской крепости, он считает, что ионийский этап колонизации данного региона начинался с конца VII в.⁶ и продолжался до первой четверти V в. включительно.⁷ В принципе, данная датировка начала колонизации подтверждается исследованиями Г.А.Кошеленко и В.Д.Кузнецова по хронологии колонизации Боспора Киммерийского⁸: на основании скрупулезного изучения данных письменных источников по истории Милета, авторы пришли к выводу, что в результате долгой борьбы Милета с Лидией за земельные владения Милет был вынужден заключить с Лидией договор, ограничивавший его земельные ресурсы, что привело к внутреннему кризису в полисе, одним из методов разрешения которого была эмиграция. Этот договор датируется рубежом VII–VI вв.

Г.Р.Цецхладзе выступил против предложенной А.Ю.Кахидзе хронологии: считая, что количество наиболее ранних фрагментов ионийской керамики в Батумской крепости не представительно, он относит начало ионийской колонизации региона к середине VI в., а окончание к 520 гг., когда Милет был вынужден прекратить свою колонизационную деятельность.⁹

На наш взгляд, обе хронологии дополняют друг друга и являются составными звеньями одного процесса. Начало колонизационной экспансии Милета в Понт в начале VI в. кажется весьма надежным, поскольку подтверждается не только ситуацией в самом Милете, но и датировкой 580–560-ми гг. первой волны ионийской колонизации на Боспоре,¹⁰ который для ионийцев являлся более отдаленной областью, нежели юго-восточное побережье Понта, практически граничащее с областью Синопы. В середине VI в. в Колхиде появляется массовый ионийский материал¹¹ (на что и опирается Г.Р.Цецхладзе в своей датировке), который может объясняться появлением ионийского населения, бежавшего от персидского завоевания Ионии (Геродот сообщает, что из ионийцев лишь жители Фокеи и Теоса бежали от персов (Her. I.169), однако вполне вероятно, что и другие ионийские полисы могла покинуть некоторая часть жителей, опасавшихся персов). Прекращение ионийской эмиграции в 520-х гг., связанное с тиранией Гестиея в Милете и скифским походом Дария, было, по всей видимости, не окончательное. Последним этапом ионийской колонизации следует считать начало V в., когда многие ионийцы бежали после подавления ионийского восстания, и часть их прибыла на Боспор,¹² а часть, вероятно, в Восточное Причерноморье.

Для определения полноценной картины греческой колонизации Восточного Причерноморья в его географических границах, от рубежей Боспора до южного берега Понта, рассмотрим конкретную историю появления эллинских поселений в различных районах региона.

Наиболее ранним греческим поселением региона следует считать поселение, раскопанное недалеко от Батуми, в Батумской крепости (Батумис Цихе), на холме, расположенном на берегу реки Королис-цхали. Самая ранняя греческая керамика конца VII — первой половины VI в. обнаружена в основании холма, в слое, носившем следы пожара. Исследователь памятника А.Ю.Кахидзе трактует эти следы как свидетельства военных столкновений греков с местным населением¹³: к моменту появления греков поселение существовало уже около 100 лет, а в слое пожара кроме греческой керамики найдена и местная. Г.Р.Цецхладзе резонно отмечает, что незначительность количества фрагментов (32) ионийской керамики первой половины VI в. не может свидетельствовать о наличии греческого поселения.¹⁴ В принципе, нельзя не согласиться с подобным замечанием, однако следует отметить, что строительные остатки, свидетельствующие о наличии собственно поселения, могли быть уничтожены пожаром. Что касается гипотезы о столкновении греков с местным населением, то она кажется необоснованной, во-первых, потому, что причиной появления следов пожара могли быть не только военные действия, но и, например, стихийное бедствие (как отмечается практически во всей литературе, колхские поселения имели многочисленные деревянные сооружения), а во-вторых, если и говорить о военном столкновении, то в данном случае речь должна идти скорее о столкновении местных племен (или родовых групп) между собой, — тем более, что по археологическим данным, на холмах в районе Батуми существовали многочисленные местные поселения.¹⁵ В любом случае, греческое поселение в Батумской крепости сохранило свой статус и непрерывность развития в течение весьма продолжительного времени.¹⁶ По всей видимости, о нем есть упоминания и в нарративных источниках: поселение Βαθῆα — Βαθος на берегу одноименной реки Батос.¹⁷

Севернее Батуми, вблизи с. Цихисдзири, на месте позднеантичного города Петра, расположено другое греческое поселение: строительные остатки не найдены, но раскопаны погребения, что свидетельствует о существовании самого поселения. Греческие погребения взрослых и детей датируются концом VI — началом V вв. Часть раскопанных погребений является колхской, причем греческие и колхские погребения находятся вместе, так что и в данном случае греки-ионийцы жили в смешанном с местными поселении.¹⁸

Недалеко от Цихисдзири, севернее по побережью было открыто крупное греческое поселение в Пичвнари.¹⁹ Здесь обнаружены поселение, возникшее к VI в., и крупный могильник. Ранняя ионийская керамика представлена незначительным количеством фрагментов, более многочисленны фрагменты второй половины VI в., что, возможно, свидетельствует о появлении здесь ионийцев с середины VI в. Значительных следов греков в поселении пока не выявлено, однако о том, что они там проживали, свидетельствует греческий могильник. На некрополе выявлены могильник местного населения V в. (раскопано 262 захоронения) и греческий могильник V–IV вв. (раскопано 250 захоронений и дюжина площадок для ритуалов), причем расстояние между двумя могильниками всего 80–100 метров, что безусловно свидетельствует о длительном мирном проживании обоих этносов в одном поселении.²⁰ Самые ранние захоронения на греческом некрополе датируются 70–60 гг. V в., и на основании найденного керамического материала, почти исключительно аттического происхождения, А.Ю.Кахидзе делает справедливый вывод об афинском поселении в Пичвнари. Однако большая часть материала, свидетельствующего о присутствии греков, относится ко второй половине V в., особенно к 430-м гг.²¹

Здесь следует оговориться, что вопрос о том, насколько керамические находки могут свидетельствовать о наличии того или иного этноса, уже не раз дискутировался. Квинтэссенцией скептицизма в этом вопросе следует считать тезис Д.Браунда, поддержанный Г.Р.Цецхладзе, который сводится к следующему: наличие греческой керамики свидетельствует лишь о контактах местного населения с эллинами, но никак не может демонстрировать присутствия греческого населения. Исходя из

этого, автор считает ошибочной гипотезу А.Ю.Кахидзе об афинском происхождении греков в Пичвнари, построенную на базе одной лишь керамики.²²

По нашему мнению, тезис Д.Браунда в отношении Пичвнари страдает излишним критицизмом. Действительно, самая ранняя аттическая керамика немногочисленна, и является, скорее всего, свидетельством устанавливающихся торговых отношений с Афинами. Однако количество аттической керамики резко увеличивается во второй половине V в., афинский материал вытесняет ионийский, а это значит, что в Пичвнари появилось население, которое использует именно аттическую керамику, т.е. собственно афиняне.

В Пичвнари весьма рано, в середине — второй половине V в. зафиксирована эллинизация местного населения: во многих захоронениях местного населения появились в изголовьях амфоры, засвидетельствованы т.н. «оболы Харона», появились т.н. «погребальные надписи» — граффити с именами умерших, явно негреков, на греческом языке.²³

Таким образом, хотя из источников нам это поселение неизвестно,²⁴ очевидно, что перед нами довольно крупная апойкия, историю которой еще только предстоит узнать после раскопок самого городища широкими площадями.

Из всех греческих поселений в Восточном Причерноморье наиболее часто в письменных источниках фигурирует Фасис, расположенный в устье реки Фасис, обычно идентифицируемой с совр. рекой Риони. Все нарративные и эпиграфические источники по истории Фасиса подробно рассмотрены в статье Г.А.Лордкипанидзе,²⁵ поэтому здесь мы остановимся на них лишь вкратце.

По данным источников, Фасис основан милетцами (Ps.Arg. PPE.44; Steph.Byz. s.v. Φαῖς), а Помпоний Мела упоминает ойкиста Фасиса — Фемимстагора, выходца из Милета (I.108). С.А.Жебелев соотносит этого Фемимстагора с Фемимстагором, сыном Деметрия, упоминаемом в списке эсимнетов Милета под 521/520 г.²⁶ В принципе эта версия согласуется с археологическими данными. Поскольку сам Фасис не найден,²⁷ то мы предполагаем археологическим материалом из местных поселений, находящихся на предполагаемой хоре или зоне влияния Фасиса. В этих поселениях первая ионийская керамика появляется в первой половине VI в., а основная ее масса относится к середине и второй половине VI в.²⁸ Иными словами, именно к середине или второй половине VI в. относится прибытие в область Фасиса основной массы колонистов и, следовательно, основание полиса.

В принципе, уже одного упоминания ойкиста достаточно для безусловного подтверждения полисного статуса Фасиса. Однако этот статус находит косвенное подтверждение и в отрывке из «Политии фасисцев» Аристотеля, сохранившемся в excerpta Гераклида (XVIII: «[поселившиеся в Фасисе милетцы] столь гостеприимны, что снабжают потерпевших кораблекрушение припасами. [Эти потерпевшие кораблекрушение] платят три мины и отплывают»)²⁹; судя по тексту, у милетских поселенцев в Фасисе были общественные финансы и что-то вроде таможенных сборов, что явно свидетельствует об определенной социальной организации. Упоминаемый же Страбоном (XI.2.17) эмпорий колхов в Фасисе являлся, скорее всего, местом торговли, портом, как в Афинах или Милете, а кроме него существовало и собственно городская территория.

Завершая рассмотрение вопроса о полисном статусе Фасиса остановимся на вопросе происхождения т.н. «колхидок». Дискуссия по этой проблеме в принципе напоминает дискуссию о сущности греческой колонизации Восточного Причерноморья. Одни исследователи считают, что «колхидки» чеканились правителями Колхидского царства,³⁰ другие — что их чеканили греческие города Колхиды, конкретно — Фасис.³¹ Не вдаваясь в подробности аргументов обеих сторон, отметим лишь, что, по нашему мнению, гипотеза о чеканке «колхидок» в Фасисе кажется наиболее логичной и аргументированной, тем более, что с развитием нумизматических исследований версия о колхидском происхождении «колхидок» встречается все реже.

В соответствии с последними исследованиями выделяется следующая хронология «колхидок». Самые ранние — это дидрахмы (тип 1, со львом), изображение на аверсе которых соответствует изображению на электровых статерах, отчеканенных в Милете в сер. VI в. Эти монеты датируются первой половиной V в., ок. 480 г. Тетрадрахмы с головой льва (изображение которой также соответствует изображению на монетах Милета) появилась в конце V в. Тогда же появился тип 2 дидрахм и полудрахмы, изображение львиной головы на которых также соответствует изображению на монетах Милета.³² Другие исследователи считают, что крупные номиналы (тетрадрахмы и дидрахмы, прежде всего типа 1) являются более ранними, и датируют их VI–V вв.³³ В любом случае, они стали чеканиться вскоре после основания Фасиса, что свидетельствует о быстром росте экономического и политического значения полиса.

Вообще, «колхидки» не имеют этниконов или каких-либо других надписей, что, собственно и вызвало к жизни дискуссию об их происхождении. Однако на некоторых поздних полудрахмах (с конца IV в.³⁴) встречаются изображения греческих букв: А, О (?), Ф, Е (?), П, Д, МО или ΣΟ, Ψ. Одни исследователи трактуют эти буквы как обозначение монетных дворов Колхиды,³⁵ другие — как знаки магистратов Фасиса.³⁶ На наш взгляд, гипотеза о принадлежности этих букв к знакам магистратов кажется весьма аргументированной (действительно, не может быть в Колхиде такое количество монетных дворов), однако возможна и другая трактовка этих изображений. Известно, что на Самосе (а самосцы были, как и милетцы, ионийцами, и отряд ионийцев-самосцев вполне мог участвовать в основании Фасиса) существовал обычай обозначения ежегодных выпусков монет греческими буквами. Этот обычай был перенесен и на Сицилию, когда бежавшие после подавления Ионийского восстания самосцы захватили в 494 г. полис Занклу и стали чеканить там свою монету: на реверсах монет самосского типа в Занкле фигурируют буквы А, В, Е.³⁷ Вполне вероятно, что эта традиция могла быть перенесена и в Фасис, и указанные типы «колхидок» содержат изображение года чеканки монеты. Появление изображения из двух букв может быть объяснено так же, как изображение года чеканки, но уже после того, как были исчерпаны все одинарные буквы греческого алфавита.

К сожалению, как уже говорилось, городская территория Фасиса до сих пор не найдена. Судя по данным последних гидроархеологических исследований, поздне-римский Фасис (III–VIII вв. н.э.) находился в зоне нынешнего озера Палеостоми и устья рек Риони и Супса. Этот Фасис ушел под воду в результате геоморфологического катаклизма. На основании этих данных Г.Гамкрелидзе, проводивший исследования, делает вывод, что город Фасис вследствие катаклизмов менял свое место расположения в течение веков.³⁸ Возможно, что Фасис архаического и классического времени и покоится на дне озера, однако вполне возможно, что он находился в другом месте. Ведь найдены только следы римского и византийского времени, а как мы видим на примере Диоскуриады/Себастополиса и Питиунта (см. об этом далее), римские крепости и формировавшиеся вокруг них поселения располагались несколько в стороне от старого греческого города. В любом случае, окончательный ответ на вопрос о локализации древнего Фасиса дадут будущие исследования.

О значении древнего Фасиса свидетельствуют и следы субколониального процесса на предполагаемой хоре Фасиса, главным образом вдоль течения р. Риони. Так, на левом берегу Риони, в Симагре, в 12–14 км от побережья, было раскопано пригородное поселение — усадьба, которая существовала с середины VI в. по середину V в.³⁹ В основном слое Симагре есть свайные сооружения, в которых содержится большое число ионийской керамики. По справедливому мнению Г.К.Шамба, эти сооружения относятся к возникшему самостоятельно, в стороне от местного населения, греческому поселению, основанному в указанный период.⁴⁰ Причем эта субколонизация носила мирный характер, поскольку судя по раскопкам Т.К.Микеладзе, вокруг него существовали многочисленные синхронные местные поселения.

О греческом городе Гюенос, идентифицированном с поселением в Очамчирской бухте, в устье р. Джикумыр, впервые упоминает Псевдо-Скилак (81). Следует, вслед за другими исследователями, согласиться с версией Т.С.Каухчишвили, что упоминаемый Помпонием Мелой *Cusnus*, основанный греческими купцами (I.110; ср. *Cygnus* у Плиния, — VI .13.14) является испорченным именем Гюенос.⁴¹

По археологическим данным, поселение в Очамчирской бухте возникло не позднее первой половины VI в. Поселение было основано ионийцами на равнинной незаселенной местными части берега. Основатели вырубали лес и сожгли его (об этом свидетельствуют зола, уголь и обожженные стволы деревьев на стыке материка и слоя первого периода жизни поселения), подготовив место для поселения. Судя по археологическим данным, существовавшие в окрестностях Гюеноса местные поселения с самого раннего периода жизни греков активно включились в городскую жизнь, и, возможно, в самом Гюеносе проживала часть местного населения. Во всяком случае, жители Моквинского поселения (р. Моква протекает в районе Очамчирсы) покинули свое поселение почти синхронно с началом греческой колонизации, и поселились поблизости от Гюеноса, если не в внутри него.⁴²

В начале IV в. жизнь в городе внезапно прекращается. Археологические данные не дают нам ответ на вопрос о причинах этих событий. Либо греки эвакуировались куда-то, либо поселение было куда-то перенесено (и это кажется более вероятным, учитывая примеры из греческой и римской истории Восточного Причерноморья — Торик, Фасис, Диоскуриада/Себастиополис, Питиунт, т.д.), и его еще предстоит найти в ходе дальнейших археологических исследований.

Совсем недавно была выдвинута оригинальная гипотеза о причинах прекращения жизни в Гюеносе, на которой хотелось бы остановиться подробнее. В.Р.Эрлих, исследуя захоронения конских черепов на территории Гюеноса, убедительно доказывает, что уздечные наборы, найденные в этих захоронениях, прикубанского происхождения и принадлежат к меотской культуре, а сами захоронения являются конскими захоронениями по меотскому обряду, и датируются второй половиной IV в. Однако из этого вполне убедительного тезиса автор делает далеко идущие выводы, и считает, что внезапное запустение городища Гюенос связано с появлением конных отрядов из Прикубанья, которые, разрушив поселение, совершили здесь жертвоприношения.⁴³ Именно данный вывод автора вызывает серьезные сомнения. Прежде всего — хронологическая нестыковка: жизнь на городище прекращается, судя по археологическим данным, самое позднее — в начале IV в., в то время как захоронения конских черепов сам автор датирует второй половиной IV в., так что разница между этими двумя событиями — лет 40–50. Таким образом, либо меотские всадники, совершившие жертвоприношения, находились на данном поселении все эти годы (этому, однако противоречит отсутствие следов какого-либо поселения на городище Гюеноса в данный период⁴⁴), либо они прибыли значительно позже, застали уже покинутое поселение, и, следовательно, совершенно непричастны к его разрушению. Данное положение, кстати, подтверждает и отсутствие следов насильственного разрушения (пожара, пр.) на городище Гюеноса в указанную эпоху (начало IV в.).

Однако сам факт пребывания представителей меотской культуры (не исключено — военных) вряд ли стоит подвергать сомнению: несколько типичных ритуальных захоронений — вполне определенный этнический признак. Ответ на вопрос о цели их пребывания в данном регионе дает другая аналогичная находка — захоронение двух конских черепов с уздой прикубанского типа на холме Ахул-абаа, северо-восточнее Диоскурии, которое автором находки, Ю.Н.Вороновым, датируется концом V–IV вв.⁴⁵ Дело в том, что поселение на холме Ахул-абаа было к IV в. (и в течение IV в.) одним из пограничных пунктов хоры Диоскурии,⁴⁶ и контингент представителей меотской культуры, оставивший ритуальное конское захоронение, скорее всего выполнял функции пограничной охраны, будучи отрядом, нанятым на службу Диоскурией. Это наиболее вероятная трак-

товка, позволяющая объяснить присутствие отдельного контингента из Прикубанья в данном регионе. Вполне вероятно, что отряд из Прикубанья на городище Гюеноса выполнял аналогичные функции — пограничной охраны и/или контроля над территорией. Сложно сказать со всей определенностью, кто нанял отряд — греки или местные правители, однако учитывая тот факт, что контингент в Ахул-абаа явно был нанят Диоскурией, то вполне можно допустить, что конный отряд в Гюеносе также был нанят Диоскурией. Хотя греки и покинули Гюенос, однако диоскурийцы вполне могли считать эту традиционно греческую территорию своей сферой влияния, и, соответственно, разместить здесь свой гарнизон.

Одним из наиболее известных греческих поселений Восточного Причерноморья была Диоскурия (Диоскуриада). Это поселение, впервые упомянутое Псевдо-Скилаком (81), было колонией Милета (Агг. PPE.14). Псевдо-Скилак называет Диоскурию полисом, однако, скорее всего, в данном случае имеется в виду не социально-политическая структура, а простое упоминание слова «город». Однако полисный статус Диоскурии подтверждается находкой в 15 км к северо-западу от нее крупной гончарной мастерской раннеэллинистического периода, продукция которой имела полисное клеймение Диоскурии (ΔΙΟΣ | ΚΟΥ).⁴⁷ Скорее всего, Диоскурия имела полисный статус с самого основания. Упоминание Аррианом основания Диоскурии Милетом подразумевает наличие традиции об основателях, что наиболее вероятно в том случае, если поселение было изначально полисом и в городских хрониках сохранилась традиция об ойкистах и основателях. Кроме того, археологически прослеживается хора Диоскурии,⁴⁸ что подразумевает наличие гражданского коллектива, разделившего эту хору, а значит, свидетельствует о полисном статусе поселения.

В окрестностях совр. Сухума в VIII–VI вв. существовало около 20 местных поселений, но в VI в. наблюдается их упадок, что облегчило грекам основание поселения. Диоскурия была основана на незаселенной территории, однако от ближайшего местного поселения (в районе совр. поселка Красный маяк) было отделено расстоянием всего в 2–3 км.⁴⁹

Основание Диоскурии обычно относят к середине VI в. Археологические подтверждения этому до сих пор не найдены, но исследователи обычно опираются на появление в середине VI в. основной массы ионийской керамики в греческом поселении в Эшере, которое считается хорионом Диоскурии, и, следовательно, не могло быть основано ранее Диоскурии.⁵⁰

На сегодняшний день с определенной долей уверенности можно определить территорию, на которой находилось первоначальное поселение Диоскурия. Судя по находкам конца VI–V вв., это небольшая полоса побережья шириной ок. 100–200 м. от границ Сухумской крепости на западе, до устья р. Беслетка на востоке.⁵¹ Очевидно, что часть древнейшего поселения вместе с частью древнейшего некрополя (восточнее устья р. Беслетка, в 6 м от береговой полосы была найдена роскошная надгробная стела 430–420 гг. с трехфигурной композицией) ушла под воду.⁵² Наиболее перспективной с точки зрения поиска остатков раннего поселения является упомянутая выше полоса берега, однако как замечает долго проработавший в Сухуме Г.К.Шамба, масштабным исследованиям препятствуют повсеместно интенсивно проступающие на глубине ниже 2 м грунтовые воды.⁵³

В конце VI–V и первой половине IV вв. на хоре Диоскурии идет не только процесс эллинизации местного населения, но и начинаются субколониционные процессы. Судя по находкам греческого инвентаря и вооружения в погребениях,⁵⁴ являются центры, населенные греками, которые к IV в. были пограничными пунктами хоры Диоскурии. Северо-восточнее полиса это поселение на холме Ахул-абаа, восточнее Диоскурии — в зоне устья реки Келасури (в районе поселка Тхубун), а также Эшерское городище.⁵⁵

Поселение греков в Эшере, в 10 км от Диоскурии и на расстоянии более 1 км от берега моря, наиболее интересно, поэтому рассмотрим его подробнее. Первые кон-

такты греков с этим регионом, судя по находкам керамики, относятся в первой половине VI в. В середине VI в. на одном из холмов под названием Аблаху возникло поселение греков-ионийцев, занявшее часть холма, и первоначальная площадь поселения составляла не более 1 га.⁵⁶

Исследователь Эшерского городища Г.К.Шамба считает, что в раннем поселении в Эшере жили исключительно греки и обосновывает это не только археологией, но и доводом, что не было смысла двум этносам жить на столь маленькой площадке, как верхняя часть Эшерского городища. Греческие поселенцы были ограничены в занимаемой ими площади и, следовательно, жили в окружении сильных местных племен. Отношения между этносами были мирными, а землю греки получили по договору с представителями местных общин.⁵⁷

Для более точного определения сущности ситуации, сложившейся в районе Эшеры, следует обратиться к надписи из Эшерского городища. Это надпись IV–III вв. до н.э. на бронзовой плите, к сожалению, сильно разбитой, фрагменты которой были найдены в фундаменте здания позднеэллинистического времени. Т.С.Каухчишвили провела доскональный анализ всех сохранившихся фрагментов и предложила следующую трактовку: после военной акции с участием царского чиновника был взят определенный пункт, а затем был восстановлен сам город или его часть (здесь исследовательница опирается на весьма предположительное восстановление τῆ| πυλῆ|, τῶ| πύργω|). Иными словами, эшерская надпись является официальным документом, содержащим сведения о военных событиях и последовавших за ним строительных работах.⁵⁸

По нашему мнению, данная надпись имеет несколько другую трактовку, которая и проливает свет на особенности существования поселения в Эшере. Сохранившиеся термины (ρῶμη, δυνασθαι αὐτόν, βασιλείας, τάξι|ει|, λιμῆν|, ἐξοικέω|, λαμβάνων εἰς) говорят о том, что скорее всего перед нами какой-то договор между эшерскими греками и местным правителем. Упоминаемый правитель, царь — это один из царей или скептюхов («жезлодержателей») генихов, о которых сообщает Страбон (XI.2.13). Договор этот касается аспектов взаимоотношений греков и местного правителя, прежде всего в военной сфере. Для сравнения очень интересна надпись IV в. до н.э. из Фракии — соглашение между населением греческого поселения Пистироса и фракийским царем.⁵⁹ В нем царем определяются права жителей Пистироса. Речь идет в том числе о гарнизоне в городе, о взимании пошлины, праве перераспределения земельных наделов, праве царя отбирать землю и любую собственность жителей поселения (в надписи фракийский царь отказывался от всех этих прав в пользу жителей Пистироса). Вполне возможно, что статус Эшерского поселения был аналогичен статусу Пистироса: находясь в окружении сильных местных племен, греки в Эшерском поселении были вынуждены подчиниться власти местного правителя (по крайней мере, в IV в.). Возможно, что аналогичные отношения в самом конце IV в. связывали и жителей Фасиса с местным колхским правителем: Ксенофонт именует его басилеем из рода потомков Аэта (мифологического колхского царя, современника аргонавтов), и сообщает, что он царствовал в области Фасиса (Anab.V.7.36–37).

Следующим античным поселением на побережье севернее Диоскурии был Питиунт (Strabo. XI.2.14; Арриан в «Перипле Понта Эвксинского» (27) сообщает, что Питиунт был первой стоянкой после Диоскурии). Большинство исследователей согласны с тем, что название города происходит от греческого слова πίτυς «сосна», и название это связано со знаменитой реликтовой сосновой рощей.⁶⁰

Первое упоминание Питиунта мы находим в труде Страбона, который ссылаясь на Артемидора Эфесского, автора, жившего и творившего на рубеже II–I вв. до н.э., называет этот город Πίτιου|ς ὁ μέγας (XI.2.14). Подобное название, «Великий Питиунт», подразумевает наличие как минимум на рубеже II–I вв. до н.э. большого греческого города. Однако археологические свидетельства представляют совершен-

но иную картину. В результате археологических исследований выявлена римская крепость и город I–IV вв. н.э.: найдены крепостные стены и башни, общественные, жилые и культовые здания, большое количество разнообразного инвентаря и монет.⁶¹ Однако самые ранние находки на территории данного городища — это несколько фрагментов амфор II–I вв. до н.э. и две монеты II в. до н.э.⁶² Нет ни строительных остатков, ни других следов большого греческого города, о котором пишут Артемидор и Страбон (данные Страбона об этом регионе особенно ценны, поскольку наместником Митридата Эвпатора в Колхиде был его дядя Моаферн, о чем сообщает сам Страбон, — XI.2.18). Так где же Великий Питиунт?⁶³ Очевидно, что в Питиунте, как в Фасисе, и особенно в Диоскуриаде, римская крепость и возникший вокруг нее город располагался в стороне от греческого города, фактически на пустом месте, поэтому остатки греческого Питиунта еще просто не найдены. По нашему мнению, стоит согласиться с исследователями, считающими, что греческий Питиунт возник после IV в. до н.э. как субколония Диоскурии.⁶⁴ В целом же, ответ на вопрос о существовании и местонахождении греческого Питиунта дадут будущие археологические исследования.

Арриан (PPE.18) сообщает о поселении Нитика, расположенном на расстоянии 150 стадий от Питиунта. Псевдо-Арриан (56)⁶⁵ уточняет, что речь идет о Стеннитике, ранее называвшейся Триглитом. Это поселение локализуется в районе совр. Гагр, либо в районе совр. села Цандрипш,⁶⁶ однако археологические свидетельства его существования пока не найдены. В связи со скудостью данных источников сложно определить, какой этнической группой, греками или местными, было основано данное поселение, хотя некоторые исследователи считают возможным трактовать раннее поселение, т.е. Триглит, как субколонию Диоскурии.⁶⁷

В целом, северо-восточное побережье оказалось менее освоено греками, чем другие районы Восточного Причерноморья. Какие же причины способствовали этому? Артемидор Эфесский отмечает, что к северо-западу от Питиунта на тысячу стадий простиралась территория гениохов, а за ней побережье ахеев (Strabo. XI. 2. 14). Эта территория включает в себя совр. северо-западную Абхазию и район совр. Сочи. Страбон (XI.2.12) уточняет, что на этой территории жили гениохи, зиги и ахеи, последние граничили с областью Горгииппии.⁶⁸

По данным источников перед нами встает неприглядная и отнюдь не привлекательная для эмиграции картина региона. Прежде всего, гениохи, зиги и ахеи были печально известны своим пиратством (уже Аристотель в IV в. до н.э. называет ахеев и гениохов, склонными к убийству и людоедству, и ведущими разбойный образ жизни, — Pol. VIII.4.4). Причем, как сообщает Страбон (XI.2.12), они нападали на своих лодках-кораблях, именуемых камарами, не только на корабли, но и на различные местности и города, захватывая не только имущество, но и людей в рабство. Обусловлен этот промысел был в значительной степени тем, что область проживания этих племен не давала достаточных источников к существованию, — как сообщает тот же Страбон, гениохи жили в лесистой местности и обрабатывали скудную почву. Более того, само побережье региона было не приспособлено для захода судов: в области гениохов не было мало-мальски пригодной стоянки для кораблей, так что даже сами гениохи не имели стоянок для своих кораблей-камаров, унося их в леса, а побережье зигов было столь неприступно, что Митридат Эвпатор не смог пройти вдоль морского берега, и был вынужден проплыть его на корабле (Strabo. XI.2.12-13). Таким образом, расселению греков в этом регионе препятствовали как неблагоприятные природные условия, так и реальная опасность, исходившая от мощных местных племен.

Тем не менее, археологические данные дают некоторые свидетельства греческого присутствия в регионе. Так, Ю.Н.Воронов, обработав имеющиеся археологические свидетельства, пришел к выводу, что в устье реки Мамайки находилось греческое поселение, основанное скорее всего боспорянами, и, соответственно, поддер-

живающее связь главным образом с Боспором. Кроме того, в прибрежных поселениях в междуречье Кудепсты, Мзымты и Псоу прослеживается греческий материал начиная с VI в. до н.э., так что эта территория достаточно рано вошла в сферу экономических интересов и влияния прежде всего Боспора, хотя достаточно сильным было и влияние античных центров Колхиды.⁶⁹

Оппонентом данной гипотезы Ю.Н.Воронова выступает археолог В.Н.Розов. Он считает, что непосредственное торговое проникновение греков в этот регион началось не ранее IV в. до н.э., а все поселения от античного Торики (район совр. Геленджика) до совр. Адлера являются поселениями ахеев, зигов и гениохов, поскольку все находки, прежде всего дорогую керамику, части дорогого вооружения (мечи, аттические шлемы, пр.) местная знать получила в результате торговли с греками. В.Н.Розов выступает и против гипотезы о греческом поселении в устье реки Мамайка, поскольку там до сих пор не найдено никаких следов самого поселения (т.е. строительных остатков), а кроме того, Ю.Н.Воронов использовал многие бесспорные вещи, которые, по мнению В.Н.Розова, поступили в начале XX в. из боспорских погребений.⁷⁰ На сегодняшний день сложно определить, какая из представленных версий ближе к истине, и точку в этой дискуссии могут поставить только дальнейшие археологические исследования.

В заключение рассмотрения региона отметим, что до нас дошло уникальное свидетельство о греческой колонизации данных земель. Диодор рассказывает, что царь Боспора Эвмел принял к себе тысячу жителей Каллатиса, бежавших в 304 г. до н.э. из осажденного Лисимахом города. Эвмел дал им место для поселения — «Псою и область» (Diod.XX.25.1).⁷¹ Вопрос о локализации Псои остается дискуссионным, но в целом большинство исследователей сходятся на том, что Псоя находилась на азиатском Боспоре.⁷² Не вдаваясь в подробности дискуссии, предложим свою версию. Сразу после рассказа о благодеянии Эвмела каллатийцам, Диодор сообщает об еще одном благодеянии боспорского царя: для защиты всех плавающих по Понту Эвмел начал крупномасштабную войну с пиратами, — в качестве пиратов Диодор называет гениохов, тавров и ахеев, — и в конце концов очистил море от пиратов, чем заслужил искреннюю благодарность купцов (XX.24.2). Из текста Диодора видно, что война шла на двух фронтах — Европейском Боспоре, где противниками выступали тавры, и на границах Азиатского Боспора, где противниками были традиционно занимавшиеся пиратством ахеи, гениохи, и, очевидно, зиги. В обоих случаях боспоряне победили, а возведение опорных пунктов на границах (либо на завоеванных землях) для закрепления результатов победы является вполне традиционным. Видимо, именно таким поселением и стала Псоя, куда поселились каллатийцы, нуждавшиеся в приличных площадях свободной земли для компактного расселения. А подобные площади незаселенных земель в давно существующих государствах бывают только на границе, либо на вновь захваченных территориях — ср. сообщение Диодора (XX.25.3), идущее сразу после рассказа о войне с пиратами, что Эвмел присоединил к своему царству множество окрестных (συνοριζούσης) варваров, что вполне может относиться к землям потерпевших поражение ахеев или гениохов. Таким образом, обе акции — разгром пиратов и поселение каллатийцев, — являются частями единой цепи событий, и предоставление Псои для поселения каллатийцев является следствием победы боспорского царя в войне против ахеев и гениохов.

Диодор сообщает, что Эвмел предоставил каллатийцам город для жительства (πόλι εἰδωκε κατοικεῖν), а область разделил на клеры (χωραὶν κατεκλήρουχρεν). Это свидетельствует о том, что данная территория впервые была разделена на участки в соответствии с эллинскими обычаями, а сам город был либо захваченным и опустошенным поселением (скорее всего варварским), либо был отстроен за счет Эвмела. Все это также свидетельствует о расположении Псои либо на пограничных территориях, либо на захваченных землях.

О дислокации Псои где-то в данном регионе свидетельствует и само название, очевидно происходящее от адыгской лексемы *пс*, *псы* («вода»), известной с античных времен, — так, в области зигов известна река *Ψάχαψις* (Ps.Arr. PPE.58). И в современных названиях рек в районе Сочи и Туапсе присутствует та же лексема — Псезуапсе, Куапсе, Туапсе, Псоу (последнее название особенно интересно для сравнения с Псоей). Во всяком случае, перед нами один из примеров боспорской колонизации в северо-восточном Причерноморье, и не исключено, что подобная акция являлась не единичной (ср. гипотезу Ю.Н.Воронова о боспорской колонии в устье реки Мамайки). Однако подтверждение подобного предположения мы можем получить только после получения соответствующих археологических свидетельств.

В регионе, пограничном с территорией Боспорского государства, также существовало несколько эллинских поселений. Прежде всего это был Торик, о котором первым сообщает Псевдо-Скилак: «За керкетами народ тореты и греческий город Торик с гаванью» (74). Торик обычно идентифицируется с поселением, раскопанном в районе Тонкого мыса Геленджикской бухты, в устье почти высохшей речки. Судя по археологическим данным, Торик был основан в VI в. ионийцами, и около середины V в. погиб в пожаре. После этого поселение было перенесено в другое место, возможно, вглубь Геленджикской бухты, где имеются следы культурного слоя эллинистического времени. В этот второй период существования поселения называлось, вероятно, Пагры, и под этим названием поселение упоминается в «Перипле» Арриана (28).⁷³ Известную нам раннюю историю Торика уточнил И.Е.Суриков, исследовавший вопросы, связанные с экспедицией Перикла в Понт. Основываясь на лингвистических выкладках, И.Е.Суриков приходит к резонному выводу, что название поселения (*Τορικός*) происходит от выходцев из крупнейшего афинского дема Торик (*Θορικός*), которые прибыли вместе с Периклом, реколонизовали пришедшее в упадок поселение, именовавшееся ранее Паграми, и дали ему название Торик. Местное же население уже от названия города получило наименование «тореты». Впоследствии, когда афиняне растворились в среде ранее существовавшего ионийского населения, поселение вновь стало именоваться Паграми.⁷⁴

Кроме Торика источники упоминают в этом регионе греческое поселение Патус и очевидно греческое поселение Гиерон. Однако прежде чем изложить свою точку зрения на локализацию этих поселений, рассмотрим гипотезу новороссийского исследователя А.В.Дмитриева. Опираясь на археологические исследования окрестностей Новороссийска и данные источников, автор предлагает свое видение истории колонизации региона. Патус, упомянутый у Псевдо-Скилака (автора IV в. до н.э.) как греческий город в области синдов, расположенный после Синдской гавани (72), находился, по его мнению, в Синдике, после Синдской гавани (будущей Горгиппии)⁷⁵ но не на берегу моря, а в глубине области. Первым городом после Синдской гавани был Торик, локализуемый в районе Новороссийска, где найдены следы античного поселения IV-III вв. до н.э.: Торика, расположенного на Тонком мысу у Геленджикской бухты, к этому времени уже не существовало, и Торик в районе Новороссийска в IV в. до н.э. был юго-восточной границей Боспора, а в римское время этот Торик прекратил существование. Затем, в I-III вв. н.э. появляются деревня Бата, упомянутая Страбоном (идентифицируется с крупным поселением на мысе Мысхако у Новороссийска, причем мыс Мысхако идентифицируется с упомянутым Птолемеем Торетским мысом), и упомянутая Страбоном же гавань Бата (локализуется в глубине Цемесской бухты, на месте совр. Новороссийска, где еще в середине XIX в. видели следы античного города). Гиерон идентифицируется с поселением, открытым в Широкой Балке. Пагры, упомянутые Аррианом (28), локализируются также в Цемесской бухте.⁷⁶

Представленная гипотеза, хотя и довольно стройная, но отнюдь не бесспорная. Прежде всего это касается Патуса. Псевдо-Скилак пишет: «область [синдов] распространяется и за пределами озера, и в ней существуют следующие греческие по-

лисы: полис Фанагора, Кепы, Синдская гавань, Патус» (72). Очевидно, что речь идет именно о прибрежных полисах (это предусматривает и сам жанр перипла), а значит, Патус находился на берегу моря, южнее Синдской гавани. Более того, название Патуса (Πάτους) весьма схоже с названием селения и гавани Баты (Βατὰ), о которых упоминают Страбон (XI.2.14) и Птолемей (V.9.8), так что следует согласиться с теми исследователями, кто отождествлял оба этих пункта. Действительно, географическая последовательность, предложенная Псевдо-Скилаком (72-73: Синдская гавань — Патус — керкеты) практически полностью совпадает с последовательностью, предложенной Артемидором, автором рубежа II и I в. до н.э. (Strabo. XI.2.14: Синдская гавань — Баты, селение и гавань — керкеты), что вкупе со схожестью названия очевидно свидетельствует о тождестве Патуса и Баты. Со временем греческий полис Патус/Бата, основанный не позднее IV в. до н.э., пришел в упадок, и в I-II вв. н.э. Страбон и Птолемей сообщают о двух пунктах — деревне Бата и гавани Бата. Координаты, предложенные Птолемеем для обоих пунктов (66°20'–47°30' и 66°30'–47°40'), очень близки, а Страбон вообще именуется их как практически единое поселение (τὰ καλοῦμενα Βατὰ κώμη καὶ λιμήν), так что перед нами либо два расположенных поблизости пункта, либо ставшие отдельными части большого древнего полиса. Во всяком случае, древний Патус следует идентифицировать с гаванью, поскольку именно удобная гавань была одним из основных условий основания ранних прибрежных греческих полисов.

Что касается локализации Торика IV в. до н.э. в Цемесской бухте, то локализация Патуса на берегу южнее Синдской гавани подрывает гипотезу о том, что Торик — первый греческий полис после Синдской гавани. Кроме того, по нашему мнению, более логичной кажется идентификация Торика с Паграми, с поселением эллинистического времени в глубине Геленджикской бухты, открытым Н.А.Онайко. В самом деле, упоминающий Торик Псевдо-Скилак дает определенную географическую последовательность: Патус–керкеты–тореты–Торик–ахеи (72–75). Артемидор на рубеже II и I вв. до н.э. (в передаче Страбона) дает схожую схему: Баты, селение и гавань — керкеты–ахеи (XI.2.14). Здесь не фигурируют тореты, однако если учесть рассмотренную выше весьма правдоподобную гипотезу, что тореты получили свое название от города Торик, а не наоборот, то вполне можно допустить, что изначально эти племена являлись частью керкетов,⁷⁷ и Артемидор (или его источник) за отсутствием принципиальной для него разницы, дает единый этноним. В I в. н.э. Плиний дает примерно аналогичную схему: синды–керкеты–...–тореты–марды–ахеи (VI.16).⁷⁸ Во II в. н.э. Птолемей (V.9.8–9: гавань Бата–деревня Бата–...–залив Керкетиды–...–мыс Торетский) и Дионисий (690–700: синды–киммерийцы–керкеты–тореты–ахеи) представляют подобную же последовательность, однако очевидно, что оба автора пользовались предшес твующими источниками, значительно более ранними. И в том же II в. н.э. был составлен «Перипл» Арриана, который хотя и не прошёл далее Диоскуриады/Себастополиса, однако очевидно пользовался свежими данными своих подчиненных и местных жителей. Итак, у Арриана мы находим совершенно иную последовательность: Синдика–Гиерон–Пагры–Старая Ахея (28 = Ps. Arr. 62). Не упоминаются ни керкеты, ни тореты, однако с ахеями граничат Пагры, которые, со всей очевидностью, находились в области торетов и расположенные в глубине Геленджикской бухты, являлись бывшим Ториком.

Таким образом, если Торик/Пагры локализируются в районе Геленджикской бухты, то как называлось эллинское поселение в Цемесской бухте, в районе совр. Новороссийска, существовавшее, судя по археологическим данным, как минимум с IV в. н.э.⁷⁹ Это единственное известное нам столь раннее прибрежное греческое поселение южнее области Синдики, а значит, судя по сообщениям Псевдо-Скилака, Артемидора/Страбона и Птолемея, это поселение называлось Патус/Бата.⁸⁰ Этот полис был основан не позже IV в. до н.э., хотя исследователь этого района Н.А.Онайко относит основание к VI–V вв. до н.э.

К I в. н.э. Баты исчезают, и в описаниях источников на их месте появляется поселение Гиерон. Учитывая географическую последовательность, которую дают два упоминающие Гиерон автора, Арриан (28 = Ps. Arr. 62: Синдика – порт Гиерон – Пагры (бывший Торик) – Старая Ахея) и Плиний (VI.16: синды – керкеты – мыс Круны (вероятно, совр. мыс Мысхако) – город Гиерон с рекой – тореты – марды – ахея),⁸¹ вполне справедливо предположить, что Гиерон – это поселение, возникшее на месте гавани Бата (Арриан называет его Ἰερὸν λιμένα), либо гавань Бата была просто переименована, например, в связи с появлением в ней какого-то важного культа.

В заключение рассмотрения данного региона попробуем определить границу Боспорского царства в IV в. до н.э., т.е. тогда, когда регион впервые полноценно появляется в источниках. Судя по тексту Псевдо-Скилака, именно Патус является крайним, пограничным греческим поселением в области синдов (72). Однако, учитывая локализацию Патуса в районе Новороссийска, мы видим, что в соответствии с археологическими данными, Патус находился в области керкетов.⁸² По всей видимости, речь идет не о географическом, а о политическом вхождении Патуса в область синдов в данную эпоху, а учитывая, что Синдика была присоединена к Боспору не ранее конца 380-х — начала 370-х гг.,⁸³ то получается, что именно Патус (Цемесская бухта) был границей Боспорского царства в рассматриваемый период.⁸⁴

Однако данная линия границы, видимо, была не единственной. Дело в том, что в титулатуре боспорских царей первой половины — середины IV в. до н.э. среди варварских народов, входивших в состав боспорского государства, появляются тореты. Речь идет о сохранившихся в надписях титулах Левкона I и Перисада I: «Левкон ... архонт Боспора, Феодосии, всей Синдики, торетов ...»; «Левкон ... архонт ... синдов, царствующий над торетами ...»; «Левкон ... царствующий над синдами, торетами...»; «Перисад ... царствующий над синдами, торетами ...»; «Перисад ... царствующий над синдами, всеми меотами».⁸⁵

Прежде всего отметим очевидную странность: подряд, т.е. последовательно, упоминаются синды и тореты, однако ни разу не упомянуты находящиеся между ними керкеты (в последнем в нашем перечислении титуле Перисада I после синдов стоит «всеми меотами»), однако в данном случае имеются в виду меотские племена, непосредственно упомянутые в предыдущем титуле Перисада, – тореты и дандарии,⁸⁶ так что керкеты здесь также не могут подразумеваться). А ведь именно керкеты граничат с областью синдов, о чем недвусмысленно сообщают практически все письменные источники. Иными словами, керкеты явно не входили в состав Боспора.

Тореты были меотским племенем (Strabo. XII.2.11), явно родственным керкетам. Однако, судя по археологическим данным, прежде всего характерным захоронениям в каменных ящиках, в VII–IV вв. до н.э. в районе Геленджикской бухты существовала определенная племенная территория, идентифицируемая с областью торетов.⁸⁷ При этом стоит вспомнить, что и в IV в. до н.э. в Геленджикской бухте существовало эллинское поселение Торик (Пагры). По всей видимости, при Левконе I в состав Боспорского царства вошел прежде всего греческий Торик (Пагры), а вместе с ним (военным или мирным путем — в данном случае неважно) и окрестное племя торетов. То, что в титулатуре упоминаются тореты, но не упоминается соответствующее греческое поселение, еще ни о чем не говорит: в тех же титулах упоминаются синды, однако ничего не говорится о греческих полисах, расположенных в Синдике (Фанагории, Кепях, Синдской гавани — Горгииппии). Область торетов входила в состав Боспорского царства как минимум до конца IV в. до н.э., когда боспорский царь Эвмел вел успешную войну с ахеями (Diod., XX, 24,2). Это сообщение Диодора обретает более определенные очертания, если допустить, что Эвмел вел сухопутные (а возможно, и морские) боевые действия из области торетов, граничившей с областью ахеев (Ps. Scyl. 75; Plin. VI.16; Dionys. 690–700).

Таким образом, в первой половине — середине IV в. до н.э. граница Боспорского царства с варварскими землями проходила в районе Цемесской бухты, а кроме

того, существовал боспорский анклав внутри варварских земель — в районе Геленджикской бухты. Иными словами, греческие поселения, основанные ионийцами в данном регионе в VI–V вв. до н.э. (Торик/Пагры и Патус/Бата), в IV в. до н.э. вошли в состав Боспорского царства.

Завершив рассмотрение истории греческой колонизации Восточного Причерноморья, остановимся на проблеме периодизации колонизационных процессов. Первый этап безусловно является ионийским, он уже был рассмотрен в начале работы, поэтому мы не будем здесь на нем останавливаться. Гипотезу о втором, аттическом этапе колонизации Восточного Причерноморья первым выдвинул А.Ю.Кахидзе, опирающийся главным образом на материалы исследованного им поселения в Пичвнари. Он считает, что аттический этап начался с 480-х — 470-х гг. Этот процесс усилился, когда экспедиция Перикла достигла Восточного Причерноморья и афиняне основали свои опорные пункты, в частности, в Пичвнари.⁸⁸ Г.Р.Цецхладзе в противовес данной гипотезе считает неоправданным выделение аттического этапа в колонизации Колхиды, подчеркивая, что «если выведение Афинами поселений в Колхиду и имело место, то это совершенно иное явление, а не колонизация».⁸⁹ Со своей стороны отметим, что даже основание одного поселения уже является этапом колонизационного процесса, а этих поселений афинянами в данном регионе было основано несколько больше.

Предложенная А.Ю.Кахидзе датировка начала афинского этапа колонизации кажется несколько завышенной, причем даже с точки зрения материалов из Пичвнари, где 470–460-ми годами датируется незначительное количество самых ранних погребений, а основная часть материала относится ко второй половине V в., особенно к 430-м годам.⁹⁰ И в этой связи нельзя не коснуться проблемы экспедиции Перикла в Понт.

В отечественной историографии проблемы, связанные с экспедицией афинян под руководством Перикла в Понт Эвксинский, рассматривались уже не раз, поэтому мы не будем останавливаться на сюжетной стороне вопроса, отметим лишь, что наиболее вероятной датой экспедиции считаются 437–436 гг.⁹¹ И.Е.Суриков, подробно рассмотревший географию экспедиции Перикла, предлагает следующий ее маршрут: из Босфора афиняне двинулись вдоль западного побережья Понта, прибыв в конце концов к Ольвии, в результате чего Ольвия вошла в афинское Архэ; затем афинский флот прибыл на Боспор, где основал два афинской форпоста, в Нимфее и Торике; отсюда афиняне «кратким путем» направились на юг, к Фемискире и Амису, где была создана афинская колония; затем афиняне прибыли в Синопу, где Перикл оставил отряд воинов, а вскоре появились афинские клерухи; из Синопы эскадра через Гералею вернулась к Босфору и далее в Афины.⁹²

В принципе, представленный маршрут представляется весьма убедительным, кроме одного — использования афинянами «краткого пути» из Торика в Амис и, соответственно, полного игнорирования основной части Восточного Причерноморья. По нашему мнению, данный участок маршрута экспедиции был несколько иным.

Итак, после Нимфея, присоединенного к афинскому Архэ, афинская эскадра прибыла на Азиатский Боспор. И первым греческим полисом в этом районе, который афиняне подчинили, стал Киммерик.⁹³ Двигаясь далее вдоль побережья, они достигли Синдика/Синдской гавани (совр. Анапы). Этот полис, существовавший с конца VI в., был ионийским поселением. Судя по археологическим данным, где-то в конце V в. это поселение погибло в огне.⁹⁴ По нашему мнению, причиной разгрома поселения стали события, связанные с прибытием афинской эскадры, задачей которой было подчинить независимые полисы, населенные к тому же ионийцами, как в данном случае. В самом деле, мы совершенно не знаем, как осуществлялась указанная задача в других полисах (Ольвии, Нимфее, Киммерике), насколько была велика роль дипломатии, а насколько — банального военного давления. Во всяком случае,

полис быстро возродился, и даже более того, судя по археологическим данным, его территория именно на рубеже V и IV вв. значительно увеличилась,⁹⁵ что можно объяснить прибытием отряда новых поселенцев, не исключено, что афинских клерухов. После Синдика/Синдской гавани афиняне прибыли к Торику, где также было основано афинское поселение (см. подробнее выше). Далее, следуя вдоль берега, афиняне нигде не останавливались, поскольку вплоть до совр. Гагр, как мы видели выше, не было античных поселений, а Триглит/Нитика и Питиунт в то время еще, по всей видимости, не существовали. Так что первым греческим полисом на пути эскадры была Диоскурия. К сожалению, городская территория Диоскурии до сих пор не найдена, поэтому сложно сказать, как отразился визит афинской эскадры на дальнейшей судьбе полиса.⁹⁶ По всей видимости, своей основной базой в данном регионе афиняне избрали поселение в Пичвнари, прежде всего, видимо, потому, что там с 480-х — 470-х гг. (по другим оценкам — 470-х — 450-х гг.) существовало афинское поселение (см. подробнее выше). Поэтому афиняне основывают здесь крупную колонию, предоставив значительное количество новых поселенцев (именно к 430-м гг. относится большая часть погребений греческого некрополя V в., — см. выше сн. 18). В результате афиняне установили прочный контроль над данным регионом: о фактически доминирующем положении, которое они заняли в торговле с местным населением, свидетельствуют археологические данные из крупного колхского поселения в Вани.⁹⁷

Далее, следуя вдоль береговой полосы, афиняне основали, по всей видимости, поселение Афины (Αγρ. ΡΡΕ.5),⁹⁸ как удобную стоянку на пути из Пичвнари. В тексте Псевдо-Арриана (39) есть небольшое описание этого поселения, из которого мы видим, что в нем было святилище Афины, укрепления (в описываемые автором времена уже покинутые), небольшая, но удобная стоянка для судов. Все это свидетельствует о том, что в свое время (не исключено, что вскоре после основания экспедицией Перикла) это поселение (Арриан именует его χωρίον) было полноценным городом. После этого экспедиция Перикла прибыла в Амис, где также была создана афинская колония, а затем в Синопу, вскоре принявшую афинских клерухов⁹⁹ (эти сюжеты подробно рассмотрены в статье И.Е.Сурикова, поэтому подробно на них останавливаться не будем).

Таким образом, в результате экспедиции Перикла афиняне установили контроль над большей частью Восточного Причерноморья,¹⁰⁰ внося значительный вклад в колонизационные процессы в данном регионе, что полностью подтверждает гипотезу об афинском этапе колонизации Восточного Причерноморья.

С ослаблением Афин в IV в. афинское поселение в Пичвнари, равно как и вся гегемония Афин в данном регионе, приходит в упадок: погребения IV в. малочисленны и бедны, а последние погребения датируются 340-ми — 330-ми гг., когда Македония окончательно побеждает Афины. И уже с середины IV в. отмечается преобладание синопского импорта.¹⁰¹

В связи с этим следует отметить гипотезу Г.Р.Цецхладзе о переселении в середине IV в. синопцев в Колхиду,¹⁰² т.е., фактически о третьем, синопском этапе колонизации региона. В подтверждение своей гипотезы исследователь опирается на несколько фактов. Во-первых, это появление с середины IV в. синопской керамики практически во всех поселениях Колхиды. Во-вторых, на основании исследования ранних колхидских амфор, Г.Р.Цецхладзе приходит к выводу об участии в их производстве греков из Синоп, поскольку форма этих амфор повторяла форму синопских, а тесто для них изготовлялось по синопскому рецепту.¹⁰³ Исследователем использовались главным образом данные из Пичвнари, где отмечены не только импортные синопские и ранние колхидские амфоры, но и (и это в-третьих) находки значительного количества синопских драхм (116 монет из 127, найденных в Восточном Причерноморье), и прежде всего клада, в котором зафиксировано 104 синопские драхмы, датированные 360–320 гг.¹⁰⁴

Тот факт, что во второй половине IV в. Синопа заняла ведущее положение в международной торговле данного региона (прежде всего импортом керамики и черепицы), неоспорим. Действительно, соответствующие материалы зафиксированы на всей территории региона, от Пичвнари и Диоскурии¹⁰⁵ до района совр. Сочи.¹⁰⁶ Аналогичный материал зафиксирован и в поселениях, находящихся в глубине Колхиды, прежде всего в городище Вани.¹⁰⁷ Однако все это отнюдь не свидетельствует о массовом переселении синопцев в Восточное Причерноморье. Прибытие переселенцев из Синопы может быть объяснено для Пичвнари, афинской клерухии, куда вполне могли прибыть эмигранты из родственной афинской же колонии в Синопе. Но и для Пичвнари этот вопрос нельзя считать доказанным, поскольку не найдено греческих погребений, которые можно отнести к выходцам из Синопы, а только подобные находки могут с уверенностью подтвердить наличие эмигрантов из того или иного полиса. Что касается синопских драхм, найденных в Пичвнари, то не исключено, что с установлением синопской торговой гегемонии в регионе они начали выполнять функцию интерлокальной (международной) валюты,¹⁰⁸ а концентрация их в Пичвнари объясняется устойчивыми торговыми связями между родственными полисами. Медленное же угасание поселения в Пичвнари как раз и свидетельствует о том, что если синопцы и переселились сюда, то в очень незначительном количестве. Таким образом, у нас остается единственный аргумент, — это участие греческих керамевсов из Синопы в налаживании и развитии амфорного производства в Колхиде.¹⁰⁹ Прибытие данных специалистов, равно как и некоторых других, вполне вероятно, но, повторимся, нет никаких оснований говорить о массовом переселении синопских греков в Колхиду.

Итак, можно с уверенностью говорить о двух основных этапах греческой колонизации Восточного Причерноморья, — ионийском и афинском. В целом же отметим, что несмотря на многолетние исследования, в истории колонизации и дальнейшего развития греческих поселений Восточного Причерноморья остается слишком много белых пятен, и заполнить их удастся только в результате планомерных археологических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лордкипанидзе О.Д.* Древняя Колхида. Миф и археология. Тбилиси, 1979. С.144; *Она же.* К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды) //Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо-1977. Тбилиси, 1979. С.236; *Lordkipanidzé O., Mikéladzé T.* La Colchide aux VIIème — Vème siècles. Sources écrites antiques et archéologie //Le Pont-Euxin vu par les Grecs. Sources écrites et archéologie. Paris, 1990. P.173-174; *Инадзе М.П.* Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968. С.157; *Она же.* О некоторой специфике греческой колонизации Восточного Причерноморья //Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо-1977. Тбилиси, 1979. С.283-291; из недавних работ исследовательницы отметим доклад на II Международном Понтийском конгрессе в Анкаре в 2001 г., в котором она подтвердила свое понимание проблемы (On the Genesis of Towns in Northern Colchis).
2. *Болтунова А.И.* Античные города Грузии и Армении //Античный город. М., 1963. С.155; *Она же.* Эллинические апойки и местное население Колхиды //Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо-1977. Тбилиси, 1979. С.256-268; *Кахидзе А.Ю.* Археологические раскопки Пичвнари и некоторые вопросы греческой колонизации Восточного Причерноморья //Ibid. С.312-313 (с некоторыми оговорками о том, что сложно точно определить сущность греческих поселений); *Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. М., 1980. С.251-252 (автор уточняет, что особенностью колонизации Колхиды был действительно высокий уровень развития местного населения, но этот фактор повлиял лишь на характер деятельности греческих колоний, — ориентация на торговлю, —

- но не на полисный характер их устройства); *Цецхладзе Г.Р.* Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения //ВДИ.1997. №2. С. 112 (автор уточняет, что греки основали обычные полисы, но вскоре, оказавшись в реальной ситуации, эти полисы потеряли свое первоначальное значение, и их целью стала торговля; причины подобной трансформации полисов заключаются в климате и изменении природных условий).
3. *Braund D.* Georgia in Antiquity. A history of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC–AD 562. Oxford, 1994. P.84.
 4. См, например, *Высокий М.Ф., Габелко О.Л.* Некоторые проблемы мегарской колонизации (о монографии: Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999) //Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С.27-29.
 5. Многочисленные примеры подобной субколонизации мы наблюдаем в истории греческих колоний региона Западного Средиземноморья, для которого нарративные и археологические источники представлены наиболее широко. О субколониях в этом регионе см. *Козловская В.И.* Греческая колонизация Западного Средиземноморья в современной зарубежной историографии. М., 1984. С.42-52; *Высокий М.Ф.* К вопросу о греческой колонизации Сицилии //Античность: политика и культура. Казань, 1998. С.13-17.
 6. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, до н.э.
 7. *Кахидзе А.Ю.* Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI-I вв. до н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1981. С.42.
 8. *Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) //Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С.21-23.
 9. *Цецхладзе Г.Р.* Греки в Колхиде (экономические и культурные взаимоотношения в VI-II вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 11.
 10. *Кошеленко. Кузнецов.* Греческая колонизация Боспора. С.18-19.
 11. Подборку см. в: *Braund.* Georgia in Antiquity. P.93
 12. *Кошеленко. Кузнецов.* Греки на Боспоре. С.24.
 13. *Кахидзе.* Восточное Причерноморье в античную эпоху. С.10-11.
 14. *Цецхладзе.* Греки в Колхиде. С.11; *Он же.* Археологические раскопки в Грузии за последнее десятилетие и некоторые проблемы древней истории Восточного Причерноморья //ВДИ. 1994. № 3. С.190-191: автор считает, что данная керамика попала в Батумис Цихе из Синопы.
 15. Д.Браунд (С.117) цитирует работу А.Ю.Кахидзе и Д.А.Хахутайшвили (Материалы по древней истории Батуми. Тбилиси,1989), изданную на грузинском языке.
 16. *Кахидзе.* Восточное Причерноморье в античную эпоху. С.11.
 17. Подробнее очерк письменных источников, упоминающих данный пункт, см. в: *Кахутайшвили Т.С.* Письменные источники по вопросу колонизации Восточного Причерноморья //Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо-1977. Тбилиси, 1979. С.301.
 18. *Инайшвили Н.А.* Петра-Цихисдзири. Тбилиси, 1991; *Цецхладзе.* Греки в Колхиде. С.10. Следует отметить, что Г.Р.Цецхладзе, лично участвовавший в раскопках поселения и хорошо знакомый с практически не опубликованным материалом, считает, что ионийцы здесь, как и в Пичвнари (см. далее) появились в середине VI в. (*Цецхладзе.* Археологические раскопки в Грузии за последнее десятилетие и некоторые проблемы древней истории Восточного Причерноморья . С.190).
 19. Подробнее об археологических находках в Пичвнари см. работы его исследователя А.Ю.Кахидзе (*Кахидзе.* Восточное Причерноморье в античную эпоху. С.22-27).
 20. См. последние данные раскопок в: *Kakhidze A., Tavamaishvili G.* Georgia's Southwestern Littoral — Zone of Greco-Georgian Contacts. Этот материал был представлен в виде доклада на II Международном Понтийском конгрессе в Анкаре в 2001 г.

21. *Кахидзе*. Восточное Причерноморье в античную эпоху. С.29; *Цецхладзе Г.Р.* Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги и перспективы //ВДИ. 1998. №3. С.90-91: автор датирует появление афинского поселения 470-450-ми гг., однако в принципе соглашается с тем, что в результате активизации афинской политики в регионе, т.е. экспедиции Перикла в Понт, население афинского поселения в Пичвнари увеличилось. Данную датировку подтверждают и материалы из городища в Вани, одного из основных торговых контрагентов греков в данном регионе: со второй четверти V в. в Вани появляются аттические изделия, а со второй половины V в. Аттика и тесно с нею связанные центры занимают доминирующее положение в местных торговых связях (*Лордкипанидзе О.Д.* Городище Вани в общеколхидском контексте //ВДИ.1992. №1. С.200).
22. *Braund*. Georgia in Antiquity. P.76-77. *Цецхладзе*. Греки в Колхиде. С.9-10.
23. *Кахидзе*. Восточное Причерноморье в античную эпоху. С.22; *Лордкипанидзе Г.А.* Некоторые вопросы истории античной культуры Грузии //Проблемы античной культуры. М., 1986. С.239. Из погребений колхов V в. 40,8% захоронений ориентированы на восток, что характерно для погребений греков, проживавших в Пичвнари; в 11,4% захоронений зафиксирован «обол Харона», в 3,6% погребений отмечено наличие амфор (*Цецхладзе*. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги и перспективы. С.93). Известные граффити найдены, в основном, на греческом некрополе и представляют собой начальные буквы личных имен (только одно из них написано полностью, — Ἀρχητος), однако зафиксированы граффити из некрополя IV в., причем на местной керамике, явно с именами представителей местного населения, — ΟΤΩΙΟΣ, ΜΕΤΡΟΝΔΙΝΑΙΟΝ (*Цецхладзе*. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги и перспективы. С.90). А граффити на одном сосуде, где на доньшке читается имя ΜΙΤΑΚΑΔΟΣ, а на стенке ΑΠΑΛΛΩΝΟΣ, датированном концом V в. (см. *Цецхладзе*. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. С.110-111), свидетельствует о распространении греческого культа Аполлона в Пичвнари, не только среди греков, но и среди колхов. Однако в противовес всему вышесказанному следует отметить гипотезу Н.Ефремова, который доказывает, что об эллинизации колхов, да и то только верхушки, можно говорить только со времени Митридата VI Евпатора, а основная масса эллинистических влияний приходит позже, в первые века нашей эры (К вопросу об эллинизации Колхиды //Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура. Севастополь, 1992. С.22-23). По всей видимости, можно говорить о двух типах эллинизации колхов: население районов, располагавшихся в непосредственной близости от греческих поселений (либо проживавшего совместно с греками), начало эллинизироваться достаточно рано, в V-IV вв., а у населения внутренних районов Колхиды признаки эллинизации появились значительно позже, как это описано в работе Н.Ефремова.
24. А.Ю.Кахидзе предполагает, что поселение в Пичвнари фигурирует у Помпония Мелы под именем Кикнос (С.12), однако значительно более логичной и доказательной является версия Т.С.Каухчишвили, согласно которой Кикнос — это измененное название Гюеноса (*Каухчишвили*. Письменные источники по вопросу колонизации Восточного Причерноморья. С.300).
25. *Лордкипанидзе Г.А.* Греко-колхские взаимоотношения в VI-IV вв. до н.э. //ВДИ. 1982. №2. С.29-36.
26. *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.-Л., 1953. С.71.
27. Фасис зачастую локализуется на месте совр. города Поти, — см., например, *Лордкипанидзе О.Д.* Древняя Колхида. Тбилиси, 1979. С.123-130. Г.Р.Цецхладзе, в целом относясь нейтрально к подобной локализации (он не возражает против нее, хотя и допускает, что возможно найти Фасис где-нибудь в другом месте), представляет подробный перечень историографии по данному вопросу (Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. С.102-103).

28. *Цецхладзе*. Греки в Колхиде. С.7. В частности, в поселении на горе Матулиебис Гора, в 10 км. от Поты найдены остатки деревянных жилых домов, колхская керамика и греческая керамика конца VI–V в. (*Цецхладзе*. Археологические раскопки в Грузии за последнее десятилетие и некоторые проблемы древней истории Восточного Причерноморья. С.192), что, вероятно, свидетельствует о начале процесса освоения хоры к концу VI в.
29. Т.С.Каухчишвили подробно анализирует текст и датирует его IV в. до н.э. (*Каухчишвили*. Письменные источники по вопросу колонизации Восточного Причерноморья. С.297).
30. *Лордкипанидзе О.Д.* К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья. С.252-254; *Голенко К.В.* Денежное обращение Колхиды в римское время. Л.,1964. С.11; *Капанидзе Д.Г.* Монетные находки Мцхетской экспедиции (1938–1948 и 1951 гг.) //ВДИ.1955.№ 1. С.160-173.
31. *Дундуа Г.Ф.* Еще раз о происхождении «колхидок» //Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо-1977. Тбилиси, 1979. С.280-281; *Болтунова А.И.* Колхидки //ВДИ. 1973. №4. С. 92; *Лордкипанидзе Г.А.* Греко-колхские взаимоотношения в VI-IV вв. до н.э. С.33-35; *Шамба С.М.* Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики (VI в. до н.э. — XIII в. н.э.). Ереван, 1998. С.44.
32. *Дундуа Г.Ф.* Нумизматика античной Грузии. Тбилиси, 1987. С.14-15; 19.
33. *Лордкипанидзе Г.А.* Греко-колхские взаимоотношения в VI-IV вв. до н.э. С.34; *Шамба С.М.* Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики (VI в. до н.э. — XIII в. н.э.). С.45.
34. *Дундуа Г.Ф.* Нумизматика античной Грузии. С.22.
35. *Голенко* Денежное обращение Колхиды в римское время. С.11; *Капанидзе*. Монетные находки Мцхетской экспедиции (1938-1948 и 1951 гг.). С.160-173.
36. *Дундуа*. Еще раз о происхождении «колхидок». С.280-282; *Лордкипанидзе Г.А.* Греко-колхские взаимоотношения в VI-IV вв. до н.э. С.34; *Шамба С.М.* Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики (VI в. до н.э. — XIII в. н.э.). С.47.
37. *Robinson E.S.G.* Rhegion, Zankle-Messana and the Samians //JHS.66.1946. P.15; *Vallet G.* Rhegion et Zancle. Paris, 1958. P.340-341.
38. *Gamkrélidzé G.* Travaux hydroarchéologiques de localisation l'ancienne Phasis //Le Pont-Euxin vu par les Grecs. Sources écrites et archéologie. Paris, 1990. P. 224-226.
39. *Микеладзе Т.К.* Археологические исследования в низовьях р. Риони. Тбилиси, 1978. С.38-44.
40. *Шамба Г.К.* Абхазия в I тыс. до н.э. Сухум, 2000. С.173.
41. *Каухчишвили*. Письменные источники по вопросу колонизации Восточного Причерноморья. С.300. Исследовательница считает также, что упоминаемые Стефаном Византийским города колхов Πυθις и Τυθις являются палеографическими ошибками, и восходят к форме Гюенос.
42. Все археологические материалы подробно рассмотрены в работе С.М.Шамба, который в течение нескольких лет исследовал поселение в Очамчирской бухте (*Шамба С.М.* Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики. С.16-25). Материалы о Моквинском поселении представлены в работе Г.К.Шамбы (*Шамба Г.К.* Абхазия в I тыс. до н.э. С.172).
43. *Эрлих В.Р.* Меотское святилище в Абхазии //ВДИ. 2004. № 1. С.158-172.
44. См. *Шамба С.М.* Гюенос-I. Тбилиси, 1988. С.64.
45. *Воронов Ю.Н.* Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады //СА. 1991. № 1. С.230.

46. *Воронов*. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады. С.226; см. также далее.
47. *Лордкипанидзе Г.А.* Греко-колхские взаимоотношения в VI-IV вв. до н.э. С.41.
48. *Воронов Ю.Н.* Диоскуриада-Сébastополис-Цхум. М., 1980. С.38: хора Диоскурии фиксируется уже со второй половины VI в., и в V в. простиралась не менее чем на 7-10 км. к западу, вдоль берега, на столько же к юго-востоку и на 3-5 км. вглубь от берега.
49. *Воронов*. Диоскуриада-Сébastополис-Цхум. С.29-35; *Шамба Г.К.* Абхазия в I тыс. до н.э. С.171.
50. *Цецхладзе*. Греки в Колхиде. С.8; *Лордкипанидзе Г.А.* Греко-колхские взаимоотношения в VI-IV вв. до н.э. С.39-42: автор относит основание Диоскурии к первой половине VI в., синхронизируя его с появлением самого раннего греческого материала на Эшерском городище, однако подобная трактовка, по нашему мнению, вызывает резонные сомнения.
51. *Шамба Г.К.* Абхазия в I тыс. до н.э. С.56-60; 171.
52. Как убедительно показывает Ю.Н.Воронов, за последние 2 тыс. лет в Сухумской бухте под воду ушла полоса побережья шириной не более 100 м. (*Воронов*. Диоскуриада-Сébastополис-Цхум. С.23-25).
53. Как подчеркивает А.Н.Габелия, проводящий с 1999 г. раскопки на территории Сухумской крепости, в прибрежной зоне ниже слоев позднеантичной и ранневизантийской эпох, на глубине 2 м 60 см, начинается уровень моря (Новые материалы из раскопок Сухумской крепости //ПИФК. XII. 2002. С.393).
54. Г.Р.Цецхладзе считает, что обилие найденного вооружения (7 аттических шлемов, 1 корифский, и другое вооружение) именно в районе пограничных зон Диоскурии свидетельствует о немирных отношениях греков и местного населения (Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения. С.108). По нашему мнению, это не совсем так: представленное вооружение, особенно шлемы и другие дорогие доспехи, свидетельствует главным образом об активной торговле греков с местной знатью, которая могла позволить себе приобрести столь дорогое импортное вооружение — ср. выводы самого же Г.Р.Цецхладзе в той же статье, о том, что судя по проведенным им подсчетам керамики и другим археологическим данным, греческие города и поселения Колхиды вели торговые операции с верхушкой колхского общества, которое, в отличие от основной массы населения, было заинтересовано в этих связях (С.115: автор объясняет это высоким уровнем развития местного ремесла и экономики). Что касается находок трех шлемов в Эшерском городище, где проживало в основном греческое население, то это опять-таки свидетельствует не столько о враждебных отношениях с местным населением, сколько о благосостоянии отдельных жителей поселения, по всей видимости, его политической и экономической верхушки.
55. *Воронов*. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады. С.226.
56. *Шамба Г.К.* Абхазия в I тыс. до н.э. С.71-78; 170.
57. *Шамба Г.К.* Абхазия в I тыс. до н.э. С.170. Гипотезу о чисто греческом населении раннего поселения на Эшере поддерживает Ю.Н.Воронов (*Воронов Ю.Н.* Об Эшерском городище //СА.1972. №1. С.118). Г.Р.Цецхладзе напротив считает, что население Эшерского городища было смешанным, апеллируя к тому, что греческая керамика составляет 10% от находок местной керамики (Греки в Колхиде. С.9). По нашему мнению, данное соотношение керамики не отражает адекватно ситуацию, поскольку греки, сами будучи в небольшом количестве, но находясь в окружении сильных местных племен, использовали в большей степени керамику местного производства, чем греческий импорт из своей метрополии.
58. *Каухчишвили Т.С.* Греческая надпись Эшерского городища //Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985. С.221-222. Следует отметить гипотезу М.П.Инадзе, посвятившей специальное исследование изучению данной надписи. Она опирается на предположительное восстановление Т.С.Каухчишвили фр. 18 τῆς

- Ἡρακλεΐας]/τοὺς Ἡρακλεώτας] (Гераклеи / гераклейцев), и считает, что военные силы Гераклеи Понтийской принимали участие в обороне Эшерского городища от нападения местных племен. Подобное вмешательство Гераклеи Понтийской было обусловлено ее экономическим интересом к городам Северного и Восточного Понта с конца IV в. Термин βασιλείας исследовательница трактует как обозначение Понтийского царства, а не местного колхидского правителя: по ее мнению, цари Понта при содействии Гераклеи под предлогом защиты Диоскурии создают свои опорные пункты на ее хоре (в Эшере). Таким образом, надпись представляет собой договор между Доскурией и южнопонтийскими центрами (Гераклея, возможно Синопа), а также Понтийским царством, для защиты Диоскурии от дальнейших набегов пиратских племен (*Инадзе М.П.* О внутривосточных взаимоотношениях в раннеэллинистическую эпоху (по новым эпиграфическим данным) // *Проблемы исследований античных городов.* М., 1989. С.54-55). Данная гипотеза вызывает значительные сомнения. Прежде всего, сомнительно такое ответственное восстановление, как название полиса, по двум буквам, да еще без всяческого контекста, которое это восстановление можно объяснить. Но даже если допустить подобное восстановление, то совершенно не понятно, почему его надо трактовать как Гераклею Понтийскую: здесь может подразумеваться все что угодно, вплоть до наименования самого Эшерского поселения (оно нам до сих не известно, и поселение вполне могло иметь распространенное в греческом мире название Гераклея). И уж тем более не понятно, почему βασιλείας надо трактовать, как обозначение Понтийского царства, в то время как существует определенное количество сообщений античных авторов о местных правителях. В целом, все построения М.П.Инадзе опираются на ее понимание общей ситуации в Южном Причерноморье в данную эпоху, которые, однако, не имеют твердой опоры в известных нам источниках.
59. *Domaradzki M.* Les contacts entre les grecs et thraces dans l'epoque classique // *Orpheus.* 1993. 3. P.37-43.
 60. Из последних работ см. *Кварчия В.Е.* Ойконимы Абхазии в письменных источниках. Сухум, 1985. С.30; *Бутба В.Ф.* Племена западного Кавказа по «Ашхарацуйцу» (сравнительный анализ). Сухум, 2001. С.77; *Шамба Г.К.* Абхазия в I тыс. до н.э. С.98; *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С.67.
 61. Основные материалы раскопок представлены в издании: Великий Питиунт. Т. I-III. Тбилиси, 1975-1978.
 62. *Бердзенишвили К.И., Пугуридзе Р.В.* Пицундские амфоры (каталог) // Великий Питиунт. I. Тбилиси, 1975. С.252 сл.; *Дундуа Г.Ф.* Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинта по нумизматическим данным во II в. до н.э. — IV в. н.э. // *Ibid.* С.281-282; *Шамба Г.К.* Абхазия в I тыс. до н.э. С.99.
 63. Д.Браунд высказывает сомнение в существовании греческого города Питиунта на основании того, что как греческая колония, он не упомянут в ранних литературных источниках, прежде всего Псевдо-Скилаке, и нет никаких археологических свидетельств, подтверждающих ее существование (*Braund.* Georgia in Antiquity. P.95, n. 106). Со своей стороны отметим, что греческие авторы, особенно Псевдо-Скилак, не упоминают о таких крупных греческих колониях, как поселения в Цихиздзири, Батумской крепости, Эшере, однако это не значит, что они не существовали. Что же касается археологии греческого Питиунта, то об этом ниже.
 64. *Шамба Г.К.* Абхазия в I тыс. до н.э. С.100. Автор пишет, что в этом вопросе разделяет мнение З.В.Анчабадзе, на работу которого ссылается. При рассмотрении вопроса об основании греческого Питиунта нельзя не отметить версию Л.Г.Хрушковой о том, что греческий Питиунт был расположен на островах дельты р. Бзыбь, а главная его часть находилась к востоку от устья реки; первое поселение основали ионийцы, выбрав это место вследствие удобной гавани (*Хрушкова.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. С.67). Несмотря на соблазнительность

- данной гипотезы, вынуждены поставить ее под сомнение, поскольку до сих пор не найдено никаких археологических свидетельств, подтверждающих ее.
65. Перипл Псевдо-Арриана или Анонимного автора, датируемый V в. н.э., является, по всей видимости, периплом Арриана, расширенным и дополненным самим автором, т.е. Аррианом, а византийский переписчик V в. лишь перевел стадии в мили и привел некоторые современные ему названия (*Азбунов М.В.* Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. С.85), поэтому сведения перипла Псевдо-Арриана весьма ценны для времени экспедиции Аарриана (II в. н.э.).
 66. *Шамба Г.К.* Абхазия в I тыс. до н.э. С.100; *Бутба.* Племена западного Кавказа по «Ашхарацуцу». С.111.
 67. *Воронов Ю.Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969. С.75.
 68. Областью проживания ахеев обычно считается Туапсинский район, а упоминаемая в источниках речка Ахеунт, чье название связывается с названием «ахеи», идентифицируется с совр. речкой Шахе (см. *Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С.61-62).
 69. *Воронов.* Древности Сочи и его окрестностей. С.64-67. Гипотезу о существовании в устье реки Мамайки раннеантичного поселения городского типа разделяет Г.К.Шамба (Абхазия в I тыс. до н.э. С.175).
 70. В.Н.Розов является заведующим отделом археологии Сочинского краеведческого музея, и данные соображения он высказал в личной беседе с автором в августе 2001 г.
 71. В тексте Диодора сказано $\Psi\alpha\upsilon\kappa\alpha\tau\iota\kappa\eta\upsilon \chi\acute{o}\rho\alpha\upsilon$, однако большинство издателей считают, что текст в этом месте слегка испорчен, и его следует читать как $\Psi\acute{o}\alpha\nu \kappa\alpha\iota \tau\eta\upsilon \chi\acute{o}\rho\alpha\upsilon$ (см. *Diodorus of Sicily. Vol.X. Cambridge-London, 1962. P.206*).
 72. Из последних работ следует выделить статью В.П.Яйленко, который локализует Псою в районе Синдики (Политическая история Боспорского царства в раннеэллинистическое время //Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С.298), и статью Н.Ф.Федосеева, который локализует Псою на Елизаветинском городище в дельте Дона (Благодеев Е.В. //Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С.162-166; там же подробная историография локализации Псои начиная с 1950-х годов).
 73. *Онайко Н.А.* Архаический Торик. М., 1980. С.6; *Он же.* Юго-восточная окраина Боспора //Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С.92. Автор вполне резонно считает, что упоминаемый Птолемеем (V.9.8) Торетский мыс — это и есть Тонкий мыс, где находился древний Торик. Что касается Пагр, то Псевдо-Арриан пишет, что в его время (т.е. в V в. н.э.) это поселение именовалось гаванью Гептала (60). Что касается гибели поселения, то Н.А.Онайко считает, что это случилось в результате набега варварских племен.
 74. *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла //ВДИ. 1999. № 2. С.109. Для подтверждения эволюции названия Пагры-Торик-Пагры автор приводит убедительную аналогию из истории Амиса, в котором афиняне основали колонию, названную Пирей, но в последствии город вновь стал называться Амисом.
 75. Синдская гавань зачастую отождествляется с Горгиппией (см. подробную историографию вопроса в кн. *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация северо-западного Кавказа. М., 1991. С.3-6; из последних работ следует отметить статью А.А.Завойкина, в которой аргументировано доказывается, что Синдская гавань является Горгиппией, — «Синдская гавань (Синдик) – Горгиппия» //ВДИ.1998. №3. С.138-141), однако Е.М.Алексеева, посвятившая многие годы исследованию Горгиппии, считает, что раннее поселение на месте современной Анапы — это древний Синдик, оставляя Синдскую гавань без локализации (*Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997. С.22-24).
 76. *Дмитриев А.В.* Юго-восточная граница Боспора //VI чтения памяти профессора В.Д.Блаватского. К 100-летию со дня рождения. М., 1999. С.49-50.

77. Следует отметить, что и у Псевдо-Скилака фактически нет твердой границы между керкетами и торетами. Начало параграфа 74 сильно испорчено, и традиционно дается в конькюре издателя К.Мюллера: «74. Тореты. За керкетами же тореты». Однако в изначальном виде тексте выглядит так: «73. Керкеты. За Синдской гаванью керкеты. 74. ... и эллинский полис Торик с гаванью. 75. Ахеи. За торетами ахеи.», и это вызывает законное сомнение в наличии твердого разделения между торетами и керкетами. Так, переводчик перипла Псевдо-Скилака Ф.В.Шелов-Коведяев считает торетов ветвью керкетов (ВДИ.1988.№2. С.266).
78. В тексте Плиния тореты граничат с синдами, а керкеты с мардами и ахеями, что скорее всего, свидетельствует о некоторой путанице у Плиния или его переписчика.
79. *Дмитриев А.В.* Юго-восточная граница Боспора. С.49.
80. Подобная локализация Бат отмечалась многими исследователями: см. *Онайко Н.А.* Юго-восточная окраина Боспора. С.91; там же представлена подробная историография вопроса, в том числе критика других мест локализации Бат. Из археологических материалов, подтверждающих нашу локализацию, отметим черепицы с клеймом ΔΙΑΒΑΤΑ. Единственным весомым аргументом против локализации может быть то, что Патус в тексте Псевдо-Скилака не упоминается с точки зрения его расположения между Синдской гаванью и Ториком: судя по тексту, между ними находились керкеты (73-74). Однако, как мы уже отмечали, начало параграфа 74 сильно испорчено и традиционно дается в предположительной конькюре К.Мюллера (см. сн. 67), а значит, в этом фрагменте вполне мог упоминаться Патус, как граничащий с территорией керкетов.
81. Как мы уже отмечали выше, в тексте Плиния очевидная путаница, автор или переписчик поменял местами керкетов и торетов. Плиний, писал в I в. н.э., но еще во II в. н.э., у Птолемея, упоминаются деревня и гавань Баты, и нет упоминания о Гиероне (V,9,8-9). Однако следует учитывать, что Птолемей был кабинетным ученым, и пользовался многочисленными, значительно более ранними источниками (которые пользовал еще Страбон), — трудами Марина Тирского, Посидония, Гиппарха, Эратосфена (см. *Зубарев В.Г.* «Географическое руководство» Клавдия Птолемея как источник по античной географии Северного Причерноморья // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999. С.326), так что данное упоминание Бат следует отнести к значительно более раннему времени.
82. *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. — III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С.226: в районе Геленджикской бухты, Цемесской бухты и далее в сторону Тамани зафиксированы памятники, относящиеся к Причерноморской группе меотских памятников, идентифицируемой с керкетами и торетами, в то время как область синдов идентифицируется с Таманской группой меотских памятников, ареал распространения которой фиксируется немногим южнее и юго-восточнее совр. Анапы. А.В.Дмитриев относит к керкетам могильники, найденные в горных районах побережья от Анапы до Новороссийска (Синды, керкеты, тореты // Проблемы исследования античных городов. М., 1989. С.40). По его же мнению, некрополи, раскопанные у станицы Раевской, в Цемдолине (Глебовка) и в Широкой Балке (последние два — в непосредственной близости от Новороссийска) относятся к синдам (с.41), однако появление данной археологической группы памятников (а значит, и группы населения) датируется не ранее III в. до н.э. (Мальшев А.А. К вопросу о Причерноморской локальной группе меотской культуры // Боспорский сборник. 6. М., 1995. С.152), т.е. уже после рассматриваемого нами периода.
83. *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С.126. Создание Перипла Псевдо-Скилака датируется 330-ми годами, однако источником для него служили разновременные сочинения. По мнению переводчика и комментатора Псевдо-Скилака Ф.В.Шело-

- ва-Коведяева, особенности описания побережья Черного моря указывают на то, что в этой части источником было либо сочинение, составленное в Афинах во второй половине V — первой половине IV вв. до н.э., либо более ранний (первая половина IV в. до н.э.) не сохранившийся перипл (Древние периплы //ВДИ.1988. № 1.С.255).
84. В принципе, к выводу о локализации границы Боспора в районе Цемесской бухты приходит и А.В.Дмитриев (Юго-восточная граница Боспора. С.49), однако он основывается на неверной, с нашей точки зрения, посылке о локализации Торики на месте Новороссийска, и, следовательно, предложенная им аргументация вызывает значительные сомнения.
85. Все известные из надписей варианты титулов Левкона I и Перисада I собраны в работе А.А.Завойкина (Титулатура ранних Спартокидов: заметки по абсолютной и относительной хронологии //Античность в современном измерении. Казань, 2001. С.64-66).
86. Дандарии упоминаются в титулах Левкона I и Перисада I, и помещаются всегда на третьем месте, после синдов и торетов, однако это, по справедливому замечанию А.А.Масленникова, отражает не географическое расположение, а очередность включения дандариев в состав Боспорского государства; область дандариев локализуется на берегу Азовского моря, в районе Тирамбы (Масленников А.А. К вопросу о погребениях дандариев //История и культура античного мира. М., 1977. С.129).
87. *Каменецкий*. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. — III в. н.э. С.232-233: речь идет прежде всего о большой группе т.н. подкурганых дольменов, раскопанных на Толстом мысу Геленджикской бухты. Вместе с тем отметим трактовку А.В.Дмитриева, считающего, что могильников торетов пока не выявлено, и поэтому выдвигающего гипотезу, что тореты — это не племя, а жители города Торики (Синды, керкеты, тореты. С.41). Подобная гипотеза, по нашему мнению, сомнительна как с филологической точки зрения («тореты» никак не может быть производным от «Торик»), так и с археологической (в этом случае остается непонятной самобытность дольменов, раскопанных на Толстом мысу), и, видимо, является производной от неверной, по нашему мнению, гипотезы автора о локализации Торики на месте Новороссийска, где зафиксированы могильники керкетов (см. сн.76), и, естественно, нет памятников, которые можно было бы отнести к торетам.
88. *Кахидзе*. Восточное Причерноморье в античную эпоху. С.44.
89. *Цецхладзе*. Греки в Колхиде. С.11.
90. *Цецхладзе*. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги и перспективы. С.90.
91. Из последних работ по данной проблеме следует отметить статью И.Е.Сурикова, в которой представлена вся основная историография вопроса (Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла; о датировке экспедиции см. С.102).
92. *Суриков*. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла. С.111-113.
93. Он фигурирует в податном списке Архэ за 425/424 г., — об идентификации Киммерика в надписи и локализации его на Азиатском Боспоре см. *Завойкин*. Синдская гавань (Синдик) — Горгиппия. С.143.
94. *Алексеева*. Античный город Горгиппия. С.32 (об основании поселения ионийцами в конце VI в. см. С.19; 21). Автор считает, что полис вошел в «консолидацию боспорских городов» еще до присоединения к Боспору синдских земель (которое имело место не ранее конца 380-х — начала 370-х гг., — см. *Шелов-Коведяев*. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. С.126), и именно насильственным присоединением к Боспору объясняет пожар конца V в., уничтоживший поселение. По нашему мнению, данная гипотеза маловероятно, учитывая отдаленность данного поселения от территории Европейского Боспора, ведь экономическая и стратегическая заинтересованность в присоединении данного поселения может возникнуть только после присоединения

- побережья Азиатского Боспора. Кроме того, данная гипотеза не имеет никакого подтверждения ни в данных источников, ни в археологии.
95. *Алексеева*. Античный город Горгиппия. С.32: автор относит это расширение территории города к прибытию новых поселенцев после включения полиса в консолидацию боспорских городов.
 96. Однако следы афинского влияния в Диоскурии, как и в соседнем Гюеносе, присутствуют: найденная в Диоскурии великолепная погребальная стела, датированная 430-420 гг., хотя и относится к ионийской художественной школе, испытывает сильное влияние аттического искусства (см. *Лордкипанидзе О.Д.* Сухумская стела //СА.1968.№ 1. С.166-176); а в Гюеносе в слое V-IV вв. появляется в достаточно представительном количестве аттическая керамика, хотя в предыдущем слое VI в. присутствует только ионийская (см. *Шамба Г.К.* Абхазия в I тыс. до н.э. С.92-93).
 97. *Лордкипанидзе О.Д.* Городище Вани в общеколхидском контексте. С.200.
 98. Поселение локализуется в совр. Пазара, между Трабзоном и Батуми (*Качарави Д.Д., Квирквелия Г.Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тбилиси, 1991. С.36).
 99. Следует отметить недавнюю работу Н.Ф.Федосеева, который, поддерживая традицию об экспедиции Перикла в Понт, доказывает (главным образом, на основании анализа имен магистратов на синопских клеймах) справедливость сведений Плутарха об основании Периклом афинской клерухии в Синопе: абсолютно все имена магистратов имеют аналогии в Афинах (Археологические свидетельства об Афинской клерухии в Синопе //ВДИ. 2003. № 3. С.132-140).
 100. Именно к периоду афинской гегемонии в регионе, к V-IV вв., относится значительное укрепление торгово-экономических связей внутри афинской «зоны влияния», — между Колхидой и Боспором (*Лордкипанидзе О.Д.* К вопросу о связях Колхиды с Северным Причерноморьем в VI-IV вв. до н.э. //История и культура античного мира. М., 1977. С.113).
 101. *Кахидзе*. Восточное Причерноморье в античную эпоху. С.14; 46; *Цецхладзе*. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги и перспективы. С.91.
 102. *Цецхладзе Г.Р.* Производство амфорной тары в Колхиде //Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов, 1992. С.108; *Он же*. Греки в Колхиде. С.14; *Он же*. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги и перспективы. С.91. При рассмотрении вопроса о переселении синопцев в Колхиду автор ссылается на аналогичное мнение, высказанное М.П.Инадзе в работе 1982 г., опубликованной на грузинском языке.
 103. *Цецхладзе*. Производство амфорной тары в Колхиде. С.108. К аналогичному выводу, об участии греков из Синопы в налаживании и развитии амфорного производства в Колхиде, приходит С.Ю.Внуков (К вопросу о месте производства коричневоглиняных амфор Северного Причерноморья //Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов, 1992. С.85).
 104. *Голенко К.В.* Клад синопских и колхидских монет из Кобулети //ВДИ. 1961. №1; *Цецхладзе*. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги и перспективы. С.91.
 105. *Воронов*. Диоскуриада-Сébastополис-Цхум. С.47-48; 55: во второй половине IV в. здесь распространяется синопская керамика и черепица.
 106. *Воронов*. Древности Сочи и его окрестностей. С.66-67: в поселениях междуречья Кудепста-Псоу найдены значительные объемы синопского импорта IV-III вв.
 107. *Лордкипанидзе О.Д.* Городище Вани в общеколхидском контексте. С.201.
 108. Ср. аналогичное мнение А.Ю.Кахидзе (Восточное Причерноморье в античную эпоху. С.46).
 109. Г.Р.Цецхладзе сам приходит к выводу (на основании всестороннего анализа керамического материала), что из всех синхронных керамических мастерских Диоскурии

первой половины III в., раскопанных в окрестностях совр. Сухума, лишь в мастерской в Гвандре (государственной мастерской, где на амфоры ставилось клеймо ΔΙΟΣ/ΚΟΥ) работали только греческие мастера (по всей вероятности, из Синопы), в то время как в других мастерских, раскопанных в поселках Красный маяк и Гульриш, вместе с греками работало значительное количество местных, колхских гончаров (Клеймо Диоскуриады из Нимфея // *Античный мир и варвары Евразии. Краткие сообщения Института Археологии. № 204. М., 1991. С.96*). Все это явно наводит на мысль о незначительном присутствии синопских эмигрантов, по крайней мере в Диоскурии.

M.F. VISOKIJ

GREEK COLONIZATION OF THE EASTERN BLACK SEA REGION: RESULTS AND PERSPECTIVES FOR STUDY

The article considers the variety of opinions upon the question of Greek colonization of the eastern Black Sea area. The author's conclusion is as following – there were two stages in the process of colonization: Ionian and Athenian. All in all there are still enough «empty spaces» in the history of the colonization, that are to be «filled up» in the course of future excavations.

Б.М.ГУНБА (Сухум)

ПЛАНИРОВКА И АРХИТЕКТУРА И АРХИТЕКТУРА АНТИЧНОГО СЕБАСТОПОЛИСА

Археологическое изучение Себастополеса не носило систематического характера. Раскопки проводились эпизодически, в основном на территории Сухумской крепости и ее окрестностях, по мере благоустройства набережной города. Именно здесь были выявлены церковные и оборонительные сооружения, а также жилые и хозяйственные постройки. Единственное отдаленное фортификационное сооружение Себастополеса находилось в северо-западной части современного Сухума, в 2-х км. от побережья Сухумской бухты. Оно представляло собой башню на юго-восточной окраине холма, понижающегося в восточном направлении в Батарейное ущелье, а в западном – долину р.Гумиста. По описанию М.М.Трапш в плане укрепление, ориентированное углами по сторонам света с некоторыми отклонениями, имело квадратную форму. Внешние размеры: 6,30×6,45 м., внутренние: 5,40×5,47 м., высота сохранившихся стен – 1,3-1,8 м. От северо-западного угла башни на север отходила стена толщиной 0,9 м. Они сложены на грунте без дополнительного фундамента из камней на известковом растворе с морским песком и гравием. Использована толченая керамика и обломки черепицы.¹

В окрестностях башни были вскрыты два культурных слоя. Верхний, содержащий остатки строительного мусора, фрагменты амфор, кувшинов, лутериев, буролаковых мисок и стеклянных сосудов, был датирован М.М.Трапш IV-V вв. н.э. В слое также были выявлены жернова от ручной мельницы, каменное пряслице, железные ножи и другие предметы хозяйства и быта. Для датировки нижнего слоя стало достаточно обнаружение серебряных и бронзовых монет II вв. н.э. Таким образом, можно констатировать, что эта часть территории Себастополеса функциони-